

ГЛАВА 5

И увидела жена...

Мы неслучайно в 3-й главе яже во святых праматерь нашу Еву помянули и процитировали, как совершилось грехопадение. Мы ещё раз процитируем этот стих и попытаемся внимательнее рассмотреть, как вошла в человека смерть и как «воплотился» в Еве диавол, но, размышляя об этом, постараемся иметь в памяти высочайший титул нашей праматери – яже во Святых. Предваряемое таким званием имя человека говорит о его причастности к лику святых, иначе говоря, о его канонизации церковью.

Наши святые прародители канонизированы, и это надо помнить, говоря об Адаме и Еве различные были и небылицы. Они, в отличие от литературных героев, не персонажи из Библии, но святые Божии люди, выведенные Господом из ада, живущие в данное время на Небе, слышащие возносимые им молитвы и готовые на них откликнуться. Всё это надо помнить, поскольку всё это истинно, как истинно наше с вами существование. Забывчивость или неосторожность в речах о святых грозит обернуться хулой. (*)

(*) «Это относится и к обычным усопшим. Говоря и пища о них, не повредить бы их душам», - заметили автору читатели. «Согласен, - ответил он, - только это не значит, что усопших нужно непременно хвалить. Может, и поругать их нужно для их же вечной пользы? Или о мёртвых либо хорошо, либо ничего? Но тогда как и на чьих примерах учиться живым?»

Поэтому с молитвой и благоговением приступим к разбору поведения святой Евы, и не с какой-либо другой целью, кроме как с целью собственного нашего научения. Будем вникать в содержание Библии с благоговением, и если не научимся пониманию Священного Писания, так хоть благоговению будем учиться, и, может, за одно только благоговение Господь помилует нас в День Судный.

И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел (Быт.3:6). Первых два действия, которые произвёл в душе Евы вид древа познания добра и зла, были: *дерево хорошо для пищи и оно приятно для глаз*. Однако всякое райское дерево было именно таким, потому что *произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи* (Быт.2:9). Что же скажем? Бог ли произрастил соблазн для Адама и Евы, сотворив всякое райское дерево хорошим и красивым? Да не будет. Красота это не соблазн, это проявление Божией благодати. Райские деревья нехорошими и некрасивыми быть не могли, поскольку были созданы Богом. Соблазн начинается в третьем, оказавшем на Еву решающее действие, впечатлении: *дерево даёт знание*. И это знание раскрыл ей диавол: *...откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло* (Быт.3:5).

С этим-то знанием Ева смотрит на дерево и видит, что оно хорошо для пищи и приятно для глаз, но уже хорошо и приятно не по-Божьему, а по-своему, по-Евиному. С этим-то знанием совсем другая хорошость и другая приятность открываются Еве в древе. Какие? Свои, личные, Евины. Но как возникло в Евиной душе это знание? И почему оно возникло именно в тот момент? Разве не обладала Ева знанием, будучи костью от костей и плотью от плоти Адамовой? Разве не дал Бог Адаму знание, когда подводил к нему зверей, и тот называл их?

Одно только это название говорит о богатстве разума, каким обладал Адам, поскольку наречь именем, значит, определить характер. И для такого определения надо было обладать даже не знанием в нашем привычном понимании этого слова, но духовным ведением, дающим возможность видеть сущность предмета или существа, то есть умные очи души, духовное зрение, которое и закрылось у прародителей после грехопадения. Когда Адам не увидел среди всех нареченных им существ достойного себе, тогда Бог творит из Адама и для Адама Еву, обладающую равным с ним совершенством. Поэтому в том, что Ева обладала Богодарованным умом, равным уму мужа, сомнений быть не может, но в момент искушения в Евином уме возникли мысли, всеянные от другого ума – дьявольского.

Церковные толкователи в тричисленных причинах, толкнувших Еву на преступление Божией заповеди, видят прямое соответствие трём причинам, по которым Апостол Иоанн заповедал крестьянам отвращаться от мира. *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего* (1Ин.2:15-16). Итак, Евиному впечатлению от древа познания добра и зла, что *дерево хорошо для пищи*, соответствует из Апостольских стихов *похоть плоти*; что *оно приятно для глаз*, соответствует *похоть очей*; и что *дерево даёт знание*, соответствует *гордость житейская*. С гордостью, вот с каким вожделением смотрит Ева на дерево и находит его хорошим для пищи и приятным для глаз. Гордость, вот то новое «знание», которое сообщил Еве диавол при своём в ней «воплощении».

Говоря о том, как возбудилось и родилось в Еве вожделение, уместно напомнить читателю святоотеческое учение о последовательности всякого грехопадения. «Первое есть прилог; второе – сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; третье – сосложение, когда обоего рода помыслы сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвертое же есть чувственное деяние или грех». (*)

(*) Добротолюбие. Т.2. Преподобного Исихия к Феодулу Душеполезное слово о трезвении и молитве. Вообще говоря, святые отцы выделяют четыре ступени развития помысла. 1. Прилог, или удар помысла по уму; эта ступень безгрешная. 2. Сосложение (сочетание), когда мысль начинает сочетаться с помыслом, вступая с ним в разговор; эта ступень, на которой грех начинается. 3. Пленение, при котором помысл становится собственным желанием души. 4. И, наконец, совершение греха действием.

С этим «знанием» смотрит Ева на дерево и видит его уже не приятным, добрым и запретным, но приятным, добрым и вожделенным. Видит его не таким, как создал его Бог для её же, Евиного блага. *Откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло* – с этой, вложенной от диавола мыслью протягивает Ева руку к смертельным плодам. Плоды становятся смертельными для Евы, конечно, не по составу, ибо Бог не творил смерти, но по тому намерению, с которым она их срывает, и которое прежде умертвило Евин ум, т.е. то духовное ведение, о котором мы говорили выше, а потом уже, после вкушения плода – и самую её природу. Это намерение называется: «я сама», «я без Бога», и это намерение положило начало новым отношениям между тварью и Богом.

Диавол не принуждал святую Еву сорвать запретный плод, он только вложил в неё дьявольское «знание»-мечтание – *будете как боги*. Слово «знание» взято мною в кавычки, потому что на самом деле это знание – лже-знание. Оно тот мираж, та виртуальность, которая

лишает человека правильного представления о мире. Оно – та гордость, которая затмевает ум и не даёт человеку видеть Бога, *Который над всеми, и через всех, и во всех нас* (Еф.4:6), но толкает человека поставить себя на непредназначенное ему место. Гордость размывает Богодарованные законы и заставляет человека совершать Богопротивные дела. И если попытаться определить гордость кратко, то она есть диавольское извращение вложенного Богом в Адама представления об иерархии. Извращённый гордостью ум отвергает указанное ему Богом место на священной лестнице, «уже Иаков виде», и с дерзостью вопрошает: почему я здесь, почему не выше?

Итак, диавол «воплотился» в Еве гордым мечтанием, пообещав ей возведение на самую вершину лестницы. То восхождение, которое должно совершаться смирением, терпением, трудом, диавол пообещал устроить Еве в одно мгновение через вкушение плода. И Ева соблазнилась. Это значит, что прежде греха телесного, т.е. прежде чем сорвать и вкусить запретный плод, Ева согрешила мысленно. Соблазнившись диавольским мечтанием, она прежде всего согрешила умом. Грех действием был всего лишь следствием умно-сердечного падения праматери. Диавол сперва научил её с вожделением посмотреть на запрещённый плод и сорвать его мыслях, и, сорванный мысленно, плод не замедлил оказаться в её руках. Через помысел диавол проник в Евин ум-дух и возбудил вожделение ее свободной воли. Приняв помысел, Ева умерла духовно, а вкусив запретный плод, умерла через некоторое время и телесно.

Зачем мы подчёркиваем слово «воплощение» и проносим его через многие главы этой книги? Затем, что мы говорим о святой Еве не вообще, не ради праздного интереса, но в применении к нашей задаче. Какой же? Мы утверждаем, что «воплощение» в человечестве мирового зла, т.е. антихриста совершится через телевизор. Но как может совершиться воплощение без воплощения? Точно так, как «воплотился» диавол в Еве. Как может убить изображение? Точно так, как убило Еву мечтание. Как причиной второй и окончательной смерти в геенне огненной может быть то, чего нет? Точно так, как причиной первой смерти был диавольский образ.

К чему привело нарушение Божией заповеди нашими святыми прародителями? Диавольское «знание» оказалось в итоге анти-знанием, т.е. вместо-знанием (*). Вместо превыспренного (**), духовного полёта к Богу случилось обратное – падение ума. Мир открылся человеку не с высоты Ангельского полёта, но с самого низу, с «высоты» пресмыкающегося по земле гада.

Мы не будем входить в подробности причин и следствий грехопадения, оно интересует нас только в приложении к телевизионной теме. И в этом приложении нам важно было понять, как научил диавол Еву нарушить Божию заповедь. Ведь он не внушал ей сорвать плоды. Нет, он всего лишь подвёл её к мысли об этом, а плоды с запретного древа Ева рвала сама. И то, чему диавол научил Еву, вложив в её ум горделивое мечтание, тому самому он учит теперь всё прогрессивное человечество, т.е. ту его большую часть, которая уже не мыслит своей жизни без телевизионного приёмника.

Через телевизор диавол учит похоти плоти, т.е. излишеству в естественных потребностях, учит похоти очес, т.е. вожделению, и учит гордости. Эти три ведущие вниз ступени: *похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* удаляют от Бога и Его Богодарованного знания. И если диавол со своим телевизором добрался до самой нижней, третьей ступени, зачем ему две первых? Зачем ему искушать тело, когда он спустился в тайники сердечных движений и в глубины подсознания? Зачем ему искушать плоть и очи, когда он искушает ум? Конечно,

телевизор бьёт по всем трём целям, возбуждая похотения телесное и душевное, но кучнее всего ложатся его снаряды в последнюю цель – возбуждение вожделий гордости житейской. Так диавол «воплощается» в человечестве, готовя его к последнему всемирному греху – объявить тварь богом, посадить её вместо бога и поклониться ей.

Вот в какую цель попадает диавол своими телеискушениями и всякий, смотрящий на них, подставляет под них своё сердце. Зачем теперь диаволу плоть? Зачем ему совращать и растлевать тело? Тело будет здороветь и цвести, но голова, которую оно на себе носит, и которая им управляет, будет полностью подконтрольна диаволу. «Воплощаясь» в голове, диавол завладевает всем телом. В человеческий дух, словно «в десяточку», попал он своим выстрелом из телевизора.

«Не плоть, а дух растлился в наши дни...» – известный стих известного поэта. Но что такое безверие середины 19-го века в сравнении с безверьем века 21-го? Цветочки и ягодки. То растление духа, которое разлилось нынче по лицу русской земли, едва ли мог представить себе даже вертевший столы Федор Иванович (***)). Не столоверчение нынче происходит, столы уже не вертятся. Нынче стол с телевизором как раз таки стоят, зато всё вокруг них вертится: еда, разговоры, мысли, голова, тело, душа. Немного осталось, и дух завертится вокруг телевизора.

(*) Греческая приставка «анти» знакома советским людям по словам, имеющим смысл почти ругательный: «антикоммунизм», «антифашизм», «антисемитизм». Из этих и других подобных слов, «антивирус», например, можно заключить, что «анти» это то, что всегда ожесточенно против. Но смысл этой приставки гораздо шире. Например, в церкви она со значением «вместо» используется в слове «антиминс» (букв. вместо престола), «антидор» (букв. вместо дара) и со значением «лежащий напротив» используется в слове «антипасха» (букв. напротив Пасхи).

(**) Слова «превыспренний» (превысокий) и «выспренний» (высокий) происходят от наречия «выспрь» (вверх). В.И.Даль пишет, что у старообрядцев словом «выспрь» помимо всего прочего называется также табак как растение и как курение. Такой метафоре послужили слова Апостола Павла: *корень горести выспрь прозябая* (Евр.12:15). Т.е. возносящее с дымом вверх, в действительности же опрокидывающее человека навзничь, дурманное табачное зелье оказывается тем в буквальном смысле корнем горести, который *пакость сотворит, и тем осквернятся мнози* (Евр.12:15).

(***) Известны свидетельства дочери Ф.И.Тютчева об увлечении её отца спиритическими сеансами. Ну, да кто из книжников 19-го века русской истории не заигрывал с бесами через столоверчение и прочую мистическую и немистическую дрянь?

Зверь и образ зверя

И в предварительном завершении телевизионной темы остановим ещё один взгляд на ней. Вернёмся к словам Евангелиста Матфея: *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф.5:22).

Когда мы выше вели речь об этих Евангельских словах, то высказывали предположение, что телезритель в действительности никого не оскорбляет, что, он непричастен к звучащему с телеэкрана гневному слову. На самом же деле, человек, конечно, причастен ко всему, что он видит и слышит. Но мы вновь предположим то, что так хочет услышать телезритель, а именно,

что он сам по себе, а телевизор сам по себе, что виртуальное зло, которое телезритель видит по телевизору, он видит «впустую».

Но ведь в Евангелии говорится именно о таком, пустом гневе. Напрасно, или по-церковно-славянски «всуе», значит, попусту, без причины. Как гневается телезритель? Именно напрасно, именно всуе, т.е. без всякой надобности и причины, и без всякого вещественного результата. И сколько же раз такое напрасное гневание высказывает сидящий перед телеэкраном? Сколько так называемых «новостей», которые вызвали его напрасное возмущение, он выслушал за одну только программу «Вести»? Сколько ушатов словесной напрасной брани выливается на телезрителя и оседает в сердце его за один только «ток-шоу»? А если таких шоутоков на счету у телезрителя тысячи? ...кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.

Евангельское «напрасно» говорит о действительном гневе, который действительно случается в жизни, но случается без основания, случается как страсть, как желание оскорбить кого-либо без всяких поводов и причин. Гнев же, который испытывает телезритель, хотя и можно назвать напрасным, но он будет напрасен иначе, он будет напрасен, так сказать, изначально. Поэтому он будет не гневом вовсе, но виртуальным раздражением по виртуальному поводу, т.е. дважды пустым. Дважды пустым? Так значит, усугубляет свою вину телезритель? Значит, он дважды оказывается повинным суду, поскольку дважды напрасно гневается на брата?

«Не на брата! - воскликнет, наконец, читатель. - Телезритель даже если и гневается, то не на брата, он гневается на образ. Как же вы, батюшка, не хотите этого понять? Слова Евангелиста Матфея к телезрителю не относятся, и всё что вы написали выше, можете выбросить и забыть, потому что телезритель видит не самого брата, он видит его образ».

Образ? Вы сказали «образ», дорогой читатель? Вот мы и подошли к самому главному. Гневание на образ брата не есть гневание на брата? Убийство образа человека не есть убийство человека? Прелюбодеяние в образах не есть действительное прелюбодеяние? Да, конечно, всё это образы. Но совершаемое в образах разве к первообразному не восходит? Разве телезритель, смотря на телеубийство, не возводит своего ума к настоящему убийству? Разве гневаясь на образ брата, он не учится гневаться на самого брата? Разве смотря на икону святого Божьего угодника, я не возвожу своего ума именно к нему? Разве становясь перед иконой на молитву, я не обращаюсь умом и сердцем к тому, что на ней изображено, к горнему духовному миру? «Ибо честь, воздаваемая образу, переходит к первообразному, и поклоняющийся иконе поклоняется существу изображенного на ней», - говорится в догматах Седьмого Вселенского Собора.

Я не буду развивать этих предложений, хотя, как кажется, именно на этом абзаце надо бы сосредоточить особенное внимание, чтобы из высеченной искры раздуть пламя полемики. Но не будем раздувать этой искры, возникшей от лобового удара двух прямо противоположных понятий: иконопочитания и телепочитания. Оставим конфликт без разрешения. Я не знаю, как называется литературный приём, в котором коллизия остаётся без разрешения, но как бы он не назывался, воспользуемся им и поставим здесь точку. Не будем называть телевизор иконой дьявола, потому что едва ли кто-либо кроме церковного Собора вправе делать такие ответственные заключения. Назовём телевизор зеркалом дьявола, а лучше – глазами его, потому что, смотря в телевизор, я научаюсь смотреть на Божий мир глазами дьявола!

Слышу возражения, что не все телевизионные передачи плохие, есть и хорошие, что даже через плохие передачи мы можем научиться различению добра и зла, что необходимо знать

новости и т.д., и т.п. Так что же? Спорить мне с этими возражениями? Но зачем мне эта бесконечная дискуссия, читатель? Я Священное Писание не всё прочёл, труды Златоуста только открыл, Жития Святых уже плохо помню, и вот я всё это закрываю и начинаю разбираться в телевизионной помойке, что там хорошего, а что плохого. Так?

Оставим богословам споры о дефинициях, т.е. о греческих словах «латрево» и «проскинео», переводимых одним русским словом «поклоняюсь», и греческих «схима», «икона», «морфи», переводимых словом «образ». Мне кажется, что без богословских доказательств каждый верующий согласится с тем, что поклонение образу диавола равносильно поклонению самому диаволу. К прежде цитированным словам Священного Писания, в которых говорится о равенстве этих поклонов, добавим и другие: *И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца...* (Откр.15:2-3).

Держат гусли и поют песнь победившие не только зверя, но и образ его. Что же такое «образ зверя»? И как можно его победить, если он – образ, т.е. картинка, символ, знак, фактически – ничто? В чём же тогда заключается победа над образом? Неужели в одном только несмотрении на него? Но ведь образ, не имея видимых очертаний, непременно становится не просто зрительным, но мысленным. Образ также может быть и словесным: художественная литература тем и занимается, что творит словесные образы. Образ может быть научным, музыкальным, танцевальным, и даже – вкусовым... (*) Да, мало ли каким может быть образ. На то он и образ, чтобы не иметь сущности в самом себе, но изображать её.

(*) Говорят, что учёные разрабатывают способы передачи запаха, чтобы одновременно с видео и звуком дать зрителю возможность обонять ароматы показываемых на экране предметов.

Каким из неисчислимого количества образов, им же имя легион, может быть образ зверя? Художественным, научным, мысленным, зримым...? Каким бы он ни был, во всех встреченных мною в Апокалипсисе стихах, где есть выражение «образ зверя», подразумевается полное равенство действий в отношении как самого зверя, так и образа его. Перечитаем стихи, чтобы убедиться в этом.

...кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией... (Откр.14:9-10).

...и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его (Откр.14:11).

...сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его... (Откр.16:2).

...и схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению (Откр.19:20).

...которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет (Откр.20:4).

Зверь и образ зверя, конечно же, не равны, но всякий поклоняющийся образу зверя подвергается равному наказанию с тем, кто кланяется самому зверю. Что же остаётся думать? Остаётся думать, что и за зверем, и за образом зверя стоит примеряющий их, словно маски,

первообраз. Кланяющийся зверю и образу зверя кланяется на самом деле изображениям диавола, кланяется тому, кто называется в Апокалипсисе драконом. *И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?* (Откр.13:3-4). Но кого Иоанн Богослов назвал в этом стихе «драконом»? Почему дракон дал власть зверю? Почему он сам ею не пользуется? Дракон это – диавол. *И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатанюю* (Откр.12:9). Зверь же в данном контексте это антихрист. «Воплощается» ли дракон в звере или «воплощается» (изображается) он в образе зверя – всё равно, по той причине, что однозначно равны как поклонение зверю, так и поклонение образу его, потому что в обоих случаях совершается поклонение – диаволу. Из этого вывода следует, что никак нельзя христианам успокаивать себя мыслью о том, что раз антихриста нет, значит, можно спать спокойно. Ничего подобного. Можно поклоняться антихристу даже в его отсутствие.

Зло начинается в желании

В книге В.Н.Лосского «Мистическое богословие», в главе «Первородный грех», которая начинается словами «Проблема зла – проблема по существу своему христианская» можно прочесть такие слова: «В аспекте сущностном отцы считают, что зла не существует, что оно есть только лишение бытия. /.../ Зло, конечно, не имеет места среди сущностей, но оно не только «недостаточность», в нём есть активность. Зло не есть природа, но состояние природы, и в этом высказывании отцов заключается большая глубина. Таким образом, оно есть как бы болезнь, как бы паразит, существующий только за счёт той природы, на которой паразитирует. Точнее, зло есть определённое состояние воли этой природы; это воля ложная по отношению к Богу. Зло есть бунт против Бога, то есть позиция личностная. Таким образом, зло относится к перспективе не сущностной, а личностной. «Мир во зле лежит», - говорит Иоанн Богослов, зло – это состояние, в котором пребывают природы личных существ, отвернувшихся от Бога. (*) Итак, начало зла коренится в свободе твари. Вот почему оно непростительно; зло рождается только от свободы существа, которое его творит. «Зло – не есть; или вернее, оно есть лишь в тот момент, когда его совершают», - пишет Диадокх Фотикийский, а Григорий Нисский подчёркивает парадоксальность того, кто подчиняется злу; он существует в несуществующем. Итак, человек дал место злу в своей воле и ввел его в мир. Правда, человек, по природе расположенный к познанию Бога и любви к Нему, выбрал зло потому, что оно было ему подсказано: в этом – вся роль змия. Зло в человеке, а через человека и в земном космосе, представляется, таким образом, связанным с заражением, в котором нет, однако, ничего автоматического: оно могло распространяться только с свободного согласия человеческой воли. Человек согласился на это господство над собой».

(*) «Вот-вот, а телевизор это производное мира. Вы же все усилия направляете на проклятый ящик, а не на то, что формирует духовный иммунитет в человеке», - сказали автору читатели. Что он ответил? Телевизор это прилог. Мало нам прилогов реальных? Зачем ещё культивировать прилоги виртуальные? Для начала надо выключить телевизор, а потом уже вырабатывать иммунитет. Или вы хотите бороться с грехом, как кто-то из соловецких подвижников боролся с чревоугодием? Он клал селёдку на самое видное место и боролся с желанием её съесть. Сдаётся мне, что вы именно так предлагаете вырабатывать иммунитет. Но такие способы пригодны для сильных верой борцов.

Столь обширная цитата из книги современного богослова приводится мною для того, чтобы в иных словесных выражениях осветить тему истинного и лживого воплощений, и дать читателю иной угол зрения на проблему образа. Что такое телевизор? По сути своей ничто. Выключи, и нет его, даже работающий телевизор нельзя назвать чем-то существующим. Звучащее изображение, вот и всё, что он из себя представляет. Значит, сущности, как и всякий образ, телевизионное изображение не имеет. Но через образ всегда действует личность, которая этот образ создаёт. Какова эта личность? Чего она хочет? Чему она учит через образ, который создаёт по своему образу (прошу прощения за «масло масляное»)?

Что такое коммунизм? Ничто. Выдумка. Дырка, облитая чугуном, как остроумно говорят о пушке. Пустота, из которой вышло нечто только потому, что она была словесно обставлена томами сочинений классиков и неклассиков марксизма-ленинизма. Так же и зло. Его не отыщешь в числе сущностей, его нельзя взять в руки. Однако же, хоть бы паразитически, но зло существует. Поэтому можно сказать, что существо и сила зла – в ложном образе. Нельзя взять в руки телевизионное изображение, но его воздействие на человека оказывается сильнее любой существующей вещи. Нельзя потрогать виртуальное коммунистическое завтра, но его воздействие на умы людей было колоссальным.

Мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого (1Кор.8:4). Значение у идола появляется, когда рядом с ним появляется человек, когда между идолом и человеком устанавливается отношение. Человек, поклоняясь идолу, оказывается в духовном плену не идола, конечно, который ничего не значит, человек берёт в плен самого себя. Т.е. поклоняясь творению своих рук, он покланяется себе же, падшему своему естеству. А истинный Творец всего, Единый Бог выпадает из поля его зрения. Человек сам себе закрывает глаза своим рукотворным идолу, сам себе закрывает путь к Небу. Поэтому идолу и идоложертвенным для человека оказывается всё, что стоит на его пути к Богу. Еда и одежда становятся идолами, если только из средств существования становятся его целью. Материальные блага становятся идолами, как только из средств жизни, к Богу направленной, становятся самостоятельной её целью. Всё, так или иначе уводящее нас от Бога, становится идоложертвенным, и вместо Бога человек служит и живёт идолам, т.е. на самом-то деле живёт для пустоты, т.к. идол сам по себе – ничто. И это очень страшно, подводя итог жизни, найти её прожитой впустую.

Язычники, - говорит апостол Павел, - принося жертвы идолам, приносят их бесам (1 Кор.10,20). Как это понимать? Ведь если идолы ничто, то, стало быть, и жертвы, им приносимые, тоже ничего не значат? Причём тут бесы? Чтобы пояснить мысль Апостола, обратимся к нему же, к самому любимому и почитаемому нами идолу – телевизору. Сколько времени впустую потрачено нами у этого ящика? Сколько раз мы кланялись ему, садясь или ложась перед ним? Телевизор сам по себе ничего не значит. Значение его начинается с началом нашего к нему внимания. Идол срабатывает, когда переключает наше внимание от Бога на *дела рук человеческих*. А если человек отвернулся от Бога, то, стало быть, куда он обращается? Если он отвернулся от Света, то куда смотрят его глаза? Так из Богопоклонника человек через идолопоклонство превращается в беспоклонника, и, не принося жертв Богу, он приносит жертвы бесам.

Жертвуя телевизору временем, которое могло бы быть потрачено на молитву и душеполезное чтение или даже на простое гуляние под небом, человек жертвует это время

бесам. Жертвуя телевизору своими умом и силами, которые могли бы быть потрачены на иное дело, человек жертвует их – бесам. Ибо всё в жизни так, что не принесено Богу, то отдано бесам. Уж, казалось бы, такая безобидная, и, может быть, даже кому-то нужная передача, как «новости» (надо же знать, что в мире и в стране происходит) на деле оказывается самая что ни на есть идолопоклонническая передача. Ведь то, что показывают по телевизору, это не отражение происходящих событий. Событий в мире происходит миллион, но отбирается и попадает на телеэкран тот десяток, который хотят видеть и слышать производитель и потребитель телепродукции. Это значит, что те только события попадут в эфир, которые отвечают вкусу и настроению толпы. Толпа же во все времена хотела одного – хлеба и зрелищ, своеволия и страстей. Ах, опять война или катастрофа. Ну, слава Богу, не в нашей деревне. Ах, опять убили или посадили. Жалко, конечно, ну да пусть не высовывается. Ах, она его так любит, а он её нет. Поохает, повздыхает зритель и доволен. Тем, кому нужны новости погорячей, тем будут новости погорячей. Страсти нужны толпе, страсти ей и покажут. А где страсти, там толпами вьются бесы.

Зло находится не среди сущностей, но среди личностей. А как мы, люди, узнаём о личностях? Только через образы, которые они нам показывают: образы поступков, мыслей, слов и всего прочего, что можно обобщённо назвать образом поведения. Поэтому зло в человеке начинается с лживого образа, а не с чего-либо предметно существующего, этим зло как раз заканчивается. И диавол своё воздействие на человека, т.е. как личность на личность, не может оказывать иначе как через образ. А телевизионный образ есть самый эффективный образ воздействия на человека на сегодняшний день. Да, может, и на завтрашний день тоже, потому что иного способа вхождения и «воплощения» (изображения) в человеке диаволу уже, наверное, не нужно.

Так что образ брата, если к нему присмотреться сквозь лупу не сущностей, но личностей, есть самый брат, как бы не досадовал на меня за такое заключение мой читатель. Следовательно, убийство образа брата есть убийство самого брата, а гнев на его образ есть гнев на него самого, потому что для мира личностей, т.е. ангельского, духовного мира будет безразлично, в каком убийстве или прелюбодеянии мы участвуем: мысленном или настоящем, потому что зло, которое они приносят нашей личности и нашему духу будет одинаковым.

Зло не есть факт жизни, но направление воли. Для диавола, или падшего Люцифера (*) зло, если можно так выразиться, офактурилось произволением на него. «Тот, кто первым был призван к обожению по благодати, захотел быть богом сам по себе. Корень греха – это жажда самообожения, ненависть к благодати. Оставаясь независимым (***) от Бога в самом своем бытии, ибо бытие его создано Богом, мятежный дух начинает ненавидеть бытие, им овладевает неистовая страсть к уничтожению, жажда какого-то немислимого небытия», - пишет Владимир Николаевич Лосский. А для человека зло офактуривается одним только мысленным соизволением диаволу. Мысленно соизволяя диавольскому образу, мы тем самым воплощаем зло в той мере, в какой оно может воплотиться среди личностей. Соизволяя диаволу помышлением, мы тем самым содействуем диаволу в разрушении своего духовного бытия, которым также одарены от Бога, но о котором либо не радим, либо не знаем, либо не хотим знать.

(*) Люцифер – светоносное имя, составленное из латинских слов «люкс» (в родительном падеже «люцис»), что значит «свет, блеск, светило», и «фери» - несу. Так назван был ближайший к Богу ангел из-за блестящих совершенств, какими его одарил Бог. Но гордость и

похоть погубила его, он пал, и самое светлое имя стало именем князя тьмы. По-гречески оно звучит «эоффорос», что буквально значит «приносящий утро», утренняя звезда. «Лишь розоперстая Эос...». Откуда это помнится? Из Гомера? А по-церковнославянски имя Люцифера – Денница, т.е. заря, вестница дня. *Из чрева прежде Денницы родих Тя* (Пс.109:3).

(**) Мне кажется, здесь опечатка. Должно быть написано: оставаясь зависимым от Бога в самом своем бытии... Цитируется по изданию: Центр «СЭИ», М. 1991, с.252.

Власть телевизионной тьмы

«И всё же, батюшка, - скажет мне в итоге читатель, - никак нельзя согласиться с тем, что телевизионное и телесное убийство равны».

Я и не говорю, что они равны, мой дорогой и возлюбленный во Христе читатель. Я говорю, что участие в телевизионном убийстве для человека страшнее, чем участие в убийстве телесном, потому что первое для диавола приятней.

И приятнее телеубийство для диавола потому, что оно даёт зрителю извращённое знание об убийстве. Т.е. не то горькое знание, которым сопровождается всякий вещественный грех и всякое действительное преступление, и которое может своей горечью привести преступника к покаянию. Но даёт то подслащённое «знание»-мечтание, которое, скрывая горечь, вернее, оставляя всю горечь на потом, на последнюю муку в геенне, растлеивает ум и волю зрителя, или, как нынче принято говорить, пользователя, т.е. виртуального греховодника и законопреступника, делая его покорным воле диавола.

Это извращённое диавольское «знание» взято мною в кавычки, потому что оно лживо, как и сам диавол лжив. *Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи* (Ин.8:44). Своим чадам (ибо если он отец, то надлежит ему иметь и детей) диавол даёт тот *высбрь*, тот дурманящий разум *корень горести*, вкушение которого обманчиво возносит вверх, в действительности же повергает вниз всякого отведавшего его. И не просто вниз, но ниже низости пресмыкающегося по земле гада опрокидывает диавол поверивших ему.

Святитель Иоанн Златоуст об Апостольских словах *корень горести высбрь прозябаяй* (Евр.12:15) пишет так: «И прекрасно он (Апостол) выразился: «корень горести»; не сказал: «горький», но «горести». Горький корень может приносить плоды сладкие, но корень – источник и основание горести, никогда не сможет приносить плода сладкого, в нём всё горько, нет ничего сладкого, всё невкусно, всё неприятно, всё исполнено ненависти и отвращения». Действительно, всё в этом корне горько и неприятно, только под дурманящим его воздействием человек не чувствует горечи, даже наоборот, находит его сладким. Вернее сказать, расковыряв и разбередив (*) этим корнем болячку в своей душе, т.е. какую-либо страсть, т.е. какую-либо несвойственную душе потребность, человек им же её и «врачуется». О, верх безумия, он утоляет жажду солёной водой. Поэтому действие «корня горести» ему кажется утешительным, тогда как в действительности коварный корень ещё более саднит болезненный душевный нарыв, ещё более распаляет убийственную страсть. О, несчастный, он сам себя убивает.

(*) Слово «бередить» происходит от слова «веред», т.е. вред. Но удивительное дело, до недавнего времени оно связывалось мною со словом «бред», и в выражении «бередить рану» мне слышался смысл «бредить рану», т.е. вновь возвращать раненого к тому бредовому состоянию, в котором он пребывал, как только был ранен. Но всё гораздо проще: бередить,

значит вредить. Вот уж воистину, век живи, век учишь родному русскому языку, и неучем помрёшь. И тут же возникает другой вопрос: не из этого ли корня вышло слово «привередливый»?

Вот почему диаволу приятны именно такие, лживые убийства и лживые прелюбодеяния, и соучастие в них человека. Правдивые убийства и прелюбодеяния, как всё совершаемое по правде, ему не так приятны. Правдивое убийство отцу лжи уже по самому своему свойству правдивости неприятно. Хотя, конечно, угодно, как угоден всякий грех, совершаемый против Бога и созданного Им мира. Но грех мысленный, как грех, которого будто нет, но который на самом деле есть, ему сладок вот этой самой двойственностью, этой льстивой улыбкой, с которой он помогает человеку его совершить, и тем самообманом, которым окружает себя грешащий ум. Грех, совершаемый в уме, диаволу сладостнее меда и сота.

Вот уж воистину, что для царя и пророка Давида было вожделенным *паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс.18:11), а именно, судьбы Господни и изучение их, то для диавола ещё более вожделенным является не открытое, но исподтишка противление этим судьбам. Раз обманувши, диавол любит, как его жертва всё более и более сама себя опутывает ложью. Ему уже и делать ничего не надо, только смотреть с удовольствием, как человек губит сам себя. Потому что с внедрением в человеке лжи, он укореняется в ней. Это значит, что, освоившись с прежними, человек поневоле начинает искать новых «знаний» от сатаны, начинает требовать особых «откровений», и лукавый охотно их «открывает», т.к. льстецу смастерить ложь, когда её хотят отведают, доставляет только удовольствие. Облекаясь ложью, человек перестаёт различать, где правда, и всё больше обрастает неправдами, чтобы в назначенное для диавола время (*теперь ваше время и власть тьмы* Лк.22:53) обернуться последней ложью, последним возношением, последним выпрём прозябением, которое окажется в итоге последним падением в геенну огненную, уготованную диаволу и тем, кого он сумел обмануть. Ещё немного времени, и он опрокинет земной шар. Впрочем, сделает только то, что ему предназначено от века сделать: скинуть в огненное озеро всех ему подчинившихся по глупости или сознательно, по страху или по равнодушию.

Можно, конечно, понять недоумение всякого, кто читает эти противоречащие здравой логике рассуждения о том, что мысленный грех не только не легче греха телесного, но даже страшнее его. Можно предположить, что у читателя возникнет, если уже не возникла мысль, что ради прекращения в себе блудных помыслов можно поблудить на практике. (*) Можно даже предположить, что читатель думает, что его хотят просто-напросто застрашать, как страшают непослушных детей милиционерами: «Вот дяденька милиционер сейчас придёт и заберёт вас в милицию». Вот лукавый сейчас из телевизора выскочит и всех, кто его смотрит, утащит с собой в преисподнюю. Здравая читательская логика отвергает эту странную мысль, что телесное и телевизионное убийство могут как-то сопоставляться. Как могут быть сопоставлены сказка и быль? Как телеубийство может быть сравнено с настоящим убийством, если живой убийца убивает до конца, до смерти первой, а телеубийца всего лишь изображает эту смерть? Здравый разум всем таким сравнениям противится и отвечает: телеучастие не может быть совершенным, п.ч. телеубийство не совершается до конца.

Что отвечать «здравому» уму на его «здравые» доводы? Выше мы пытались разграничить области телесную и духовную, и тем отчасти ответить на вопрос о том, в каком отношении друг к другу находятся мысленный и действительный грех. Но даже не разграничивая этих

областей и не вводя понятий, которые читателю могут быть непонятны, т.е. оставаясь в пределах привычной житейской логики, можно ответить на этот вопрос так. Зла как такового не существует. Несуществующее зло начинает существовать, по слову Диадоча, в момент совершения. А раз так, то уже не важно, где оно совершается: в уме или в действительности, в телевизоре или наяву. Раз зло совершилось, значит, оно начало быть.

Уже цитировались слова из Пасхального слова святителя Иоанна Златоуста: Господь и намерение целует (**). Почему они не вызывают нашего недоумения? Как можно приветствовать то, чего нет? Однако я думаю, каждый человек охотно согласится с тем, что самое намерение доброго дела Господь вменяет ему в доброе дело. Но если мы принимаем эту мысль в отношении благого поступка, почему не принимаем её в отношении злого? Разве сила доброго намерения не равняется силе злого? Дьявол ничего нового не придумывает и придумать не может, он передразнивает и тянет в противоположную от Бога сторону.

(*) Эта мысль глупа, потому что блуд телесный начинается с блуда мысленного. И гасить последнее первым, это всё равно что бензином заливать костёр.

(**) Эта фраза из Огласительного Пасхального слова означает, что Господь не только добрые дела, но и намерения таковых дел приветствует. Именно приветствует, а не целует, потому что «целовать» по-церковнославянски значит желать кому-либо целости. «Целовать» по-церковнославянски это всё равно что «здороваться» по-русски, т.е. русским «здравствуйте» пожелать здоровья. А то, что в современном русском зовётся «целованием», в церковнославянском языке именуется «лобзанием». Но что интересно, что когда мною впервые было услышано в церкви Пасхальное слово Златоуста, я понял его буквально по-русски: Господь целует. Но как понял тогда эти слова, так и хожу до сих пор с таким пониманием, не желая знать того, что вам только что объяснил. Так и продолжает для меня Господь целовать (а не приветствовать) наши добрые намерения.

Кстати говоря, к подобного рода недоумениям относится вопрос, оставленный нами без рассмотрения: как грех может совершиться в сердце, не совершаясь в действительности? Ответ прост: грех совершается в сердце, не совершаясь в действительности, именно потому, что он совершается в предположении. Грех в уме прокручен? Значит, он совершён. Грех в уме вкушён? Значит, он сделан. Иначе как понять слова Господа: *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф.5:28)? Прелюбодеяние всяким, кто смотрит на женщину с вожделением (*), оказывается совершённым именно потому, что предполагалось быть совершённым. Грех «воплощается» в сердце такого человека уже потому, что он своим умом решает на него и направляет к нему свою волю. Зло совершается там, где оно первоначально совершается – в воле. Совершённое в воле, зло оказывается совершённым полностью и окончательно.

Но не будем более утомлять читателя телевизионной темой. Мне кажется, что всякий с не до конца угасшей совестью человек понимает, что телевизор это – гробовой ящик, который не может доставить душе и тем более духу никакой пользы. Так зачем насиловать совесть? Зачем включать телевизор? Пора уже его выключить. Раз и навсегда. Да и нам пора уже вернуться к предметам, от которых увёл нас этот самый телевизор. А то, как засели за ним, так обо всём забыли. Телевизия не безобидная забава, но грех пострашнее коммунистического богоборчества. Притом, что совершается он добровольно. Если в коммунизм советские люди

были вовлекаемы помимо воли через пионеррию и комсомолию, то телевизор никто уже не заставляет смотреть, сами включаем его ежедневно для себя и своих детей.

«Как не упокоила Меня душа его ни один день, так и ты непрестанно мучь его и исторгай из него его душу». Эти страшные слова были последними словами, которые услышал святоша-любодей от Бога. А ведь он «молился» и постился, и надо полагать, усиленно, если прослыл среди людей святым. Но если никогда не смотревший телевизора услышал такие слова, что же тогда услышит православный телезритель? (***) Какое Божие напутствие при разлучении души и тела примет тот, у кого рядом с иконами стоит телеэкран? И это притом, что святоша скрывал свои «телепрограммы», т.е. прокручиваемые в голове образы, значит, стыдился их, а наш православный уже не скрывает и не стыдится, но даже отстаивает своё право открыто их смотреть.

С многоканальным телевидением широко шагнул советский народ из эпохи законной (***) в эпоху до-законную, и оказался даже не в 70-летнем вавилонском плену, но в 400-летнем египетском рабстве. На 4000 лет назад! Финансовых пирамид, словно египетских пирамид, оказался строителем советский труженик. Хорошим же вышло наше покаяние в Богоотступничестве. Коммунизм подослепил, телевизор ослепляет, дело Маркса-Ленина живёт и побеждает. (****)

(*) С вожделием. Вспомним слова Священного Писания о самом первом человеческом грехе. *И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание...* (Быт.3:6).

(**) «К слову «телезритель» надо бы добавить слово «любодей», - заметили автору, - ведь не все те, кто его включает, любодейи». Что ответил автор? Я, конечно, добавлю это слово, однако имейте в виду, читатель, что оставляя помысл, т.е. телевизор включенным, мы способствуем самому любодейству.

(***) Советское время можно назвать новозаветным временем без Христа. Словосочетание, конечно же, несловосочетаемое, потому что «без Христа», значит, без благодати, а если без благодати, то какой же это Новый Завет? Также несуразно звучит выражение «постхристианская эпоха». Что такое может быть «после Христа»? Только смерть.

(****) С детских лет запомнились мне слова великого пророка виртуального коммунистического будущего, висевшие лозунгом на кинотеатре «Космос»: «Из всех искусств важнейшим для нас является кино».